Павел Бажов

Марков камень

У старых владельцев, у Турчаниновых-то, Петро да Марко в роду вперемежку ходили. Отец, например, Петро Маркыч, а сын Марко Петрович. У Демидовых тагильских, у тех опять Акинтий да Никита. Глянулось, видно. Мода такая была. Нонешнего барчонка, кой в лета не вошел, тоже, слышь-ко, Марком кличут. Ну, это их дело. Рабочему человеку в том сласти мало. Петро ли, Марко, а все барин. Не к тому разговор, чтобы их имена разбирать.

А вот есть чуть не в самой середке нашей заводской дачи гора одна - Марков камень. Которые заводские и думают, что по Марку Турчанинову гора прозывается. Любил, дескать, который-нибудь туда на охоту ездить либо еще что. Ну, только это напрасно говорят. Там вовсе, может, ни один Турчанинов и не бывал. Шибко глухое место, в болотах кругом. Не барское дело по этим местам бродить. Ноги промочит, из носу закаплет. И добычи близко никакой нету, кроме как мягкой камень маленько ковыряют.

Название горы по другому Марку поставлено. Тайности тут нету. Побывальщину эту мне покойный дедушко сказывал. Он еще вовсе маленький был, когда случай тот вышел. Лет, поди, сто, а то и больше тому делу.

Была, слышь-ко, на заводах барыня Колтовская. Она тоже в девках-то Турчанинова была, а вышла замуж за какого-то генерала али там поручика - и стала Колтовская. Почто она в Сысерти жила - овдовела али с мужем разошлась, про то мне неизвестно. Одно знаю - ни про одну старинную барыню у нас в заводах речей нет, а про эту Колтовчиху помнят. Оставила, значит, следок. Которая девчонка или бабенка загуляла, про ту и говорят:

"Колтовчиху покрасить хочет".

Она - эта Колтовчиха-то - до того к мужику жадная была, что удивленье просто. Господишек, конечно, около ее, сколь хочешь. Известно, господское положение. Что им делать? Только этой барыне тех своих мужиков нехватало. Она и нашим братом, рабочим, который побаще да поскладнее, не брезговала. Нет-нет, из Сысерти слышок дойдет: взяла, дескать, барыня нового кучера, а старого отставила. А уж все знали, в чем тут загвоздка. Взяла и взяла. Дело подневольное, все-таки не в гору человека нарядили. Посмеются еще так-то, а то и не подумают, что это, может, похуже горы.

И вот приезжает эта барыня Колтовская к нам в Полевской завод. Как раз о празднике было дело. У нас на Петро-Павла, известно, гулянка. После службы церковной, почитай, весь завод на той вон горке, у старой плотинки, собирался. Сперва ребятишки бороться счунутся, потом и до мужиков дойдет. Лучше того не знали, как силой похвастаться. Ну, и барам это, видно, к руке шло. Жаловали хороших борцов и всяко нахваливали.

Которые в медной горе робили, шибко ровно худые были, а сила у них в руках и в ногах большая. Фабричным супротив их неохота неустойку оказать. А тоже у них, у фабричных-то, силка была. Особо у кричных. У которого уж и грыжа от надсады, а подойди к нему, сунься!

Был в ту пору в кричной подмастерье один, Марком его звали. Чипуштанов ли как по фамилии, а прозвище было Береговик. Ох, и парень! Высокой, ловкой, из себя чистяк, а сила в нем медвежья. Даром что молодой, а уж который год круг уносил. Никто против него устоять не мог.

Гора, конечно, в обиде, что крична большину берет. Вот гора и сделала подвод - Онисима своего подставила. А тот Онисим у них, прямо сказать, урод в людях был. Мужик уж в годах и на грудь жаловался, а посмотреть на него страшно. Согнулся, ссутулился, а все печатна сажень, и руки чуть не до полу, как клешни, висят. Двадцать пять лет в горе выробил. Гора его сгрызть не могла. С этим Онисимом давно никто не боролся, да и сам он к этому не охотился. А тут подвели дело. Как, значит, самолучшие борцы выходить стали, Онисим и выкатился. Ну, побросал, конечно, всех, как котят. Маркова очередь подошла. Крична и кричит:

- Невзачет Онисима! С этим зверем ни один человек не управится. Что его считать! А гора свое:
- Струсили, жженопятики. Какие у вас борцы после этого!
Одним словом, перекор пошел. Тут Онисим и говорит:
- Выходи, Маркушко. Охота мне узнать, какая в тебе силка.
- Ну, что же, попытаем не то, дядя Онисим, - отвечает Марко. - Я бы супротив тебя не вышел, кабы не твоя охота.
Вот и вышел Марко-то. Борются у нас, известно, взамок. У кого, значит, спина не хрустнет да ноги выдюжат. Ну, и сноровка тоже требуется. Марко супротив Онисима пожиже кажется, а ведь одолел. Это Марко-то. Из трех разов только раз под Онисимом побывал, а два раза его бросил. Молодой все ж таки. Куда старому! Крична, конечно, радуется, а гора кричит:
- Неправильно боролись. Сызнова надо. - Пошумели, а до драки не дошло. Сам Онисим это дело утихомирил.
- Чего, - кричит, - зря гаметь. Правильно все было. Никакой фальши от Марка не видел. И больше я бороться не буду. Попытал - хватит. Немолодое мое дело этим забавляться.
Тем кончилось. Марко, значит, опять круг унес. Борцам выдали подарки: кому пояс, кому шапку, а Марку с Онисимом - по кафтану.
После этого пошли, конечно, в кабак. И Марка с собой ведут, а он, вишь, на вино воздержный парень был, да и молодой еще. Ему охота тут остаться, поглядеть, как девки-бабы хороводы поведут, поплясать с ними, песенок попеть. Ну, опять, как мужикам откажешь, раз круг унес? Уважить надо. Пошел с ними, а сам кричит:
- Ты, Татьяна, не уходи. Сейчас оборочусь. - Это он своей бабе. Недавно, слышь-ко, женился. Только первый год жили. Ласковая такая ему бабочка попалась, веселая.
Они и миловались, прямо сказать, у людей на глазах.
Другим бабам-девкам завидно было.
Не успели мужики до кабака дойти, подбежал барский казачок - Марка барыня требует. А она - барыня-то Колтовчиха-на круг из коляски своей глядела. Господишки, которые с ней из Сысерти приехали, - тут же. И приказчик тут, и все начальство заводское. Так и не пришлось Марку стаканчик пропустить. Подходит Марко к барыне, а она ему рубль серебряный подает.
- На-ко, - говорит, - молодец. Жалую тебя из своих барских рук.
Ну, Марко тоже знал, как ему поступать. Поклонился и говорит:
- Покорнейше благодарим, барыня. Рад стараться.
А барыня так в него глазами и впилась. Прямо сказать - стыда у бабы нисколечко. Всякому видно. Один Марко этого не понял и норовит потихонечку отойти. А барыня видит, что он отодвигается, и говорит:
- Подойди ближе, покажи руку. Марко подошел, конечно, и руку показывает, ладонью кверху. Барыня засмеялась, да и говорит:
- Загни рукав! - Заскать, значит, ему велит рукав-от.
Марко так и сделал, а она хвать его за руку. Щупает, слышь-ко, как ровно лошадь смотрит. Господишки туда же тянутся, бормочут промеж себя не по-русскому. Марку, конечно, обидно, что его так оглядывают, а все ж таки виду не подает. Будто так и надо. Барыня велит ворот расстегнуть, грудь, плечо показать. Марко покраснел весь, зло его взяло, а все исполнил, как она требовала. Колтовчиха схватила его рукой за плечо, похлопывает потихоньку, лотошит с господишками-то, а о чем-не разберешь. Только и слышно слово какое-то. Вроде как Марку имя дает. Заводские наши бабешки, кои поближе стояли, зашушукали и над Татьяной уж насмешки строят:
- Твоего-то барыня в жеребцы выбрала. Кличку слышь, ему новую придумала.
Татьяна - женщина молодая, совсем, сказать, девчонка. Сноровки у ней настоящей нет, как,

значит, жить-то. Она возьми и зареви. Так голосом и завыла. Все одно как по покойнику.
- Ой, да что же это, девоньки, деется...
Марко услышал - ревет кто-то. Поглядел, а это Татьяна. И барыня углядела, спрашивает приказчика:
- Кто завыл?
Приказчик сказывает, что это Маркова жена.
- Привести сюда, - говорит барыня. Привели Татьяну, барыня и спрашивает:
- Ты о чем?
А та с простоты и ляпни:
- Бабы сказывают, будто Марка на конный берешь. Барыня этак усмехнулась, да и говорит:
- Хорошо бабы придумали. На конном, и верно, конюхов надо помоложе да подюжее. Твоего, пожалуй, возьму.
Татьяна думает- и вправду это она сама барыню надоумила, хлоп ей в ноги:
- Помилуй, барыня-сударыня. Не вели у меня Марка брать. Первый годок с ним живем. Да и не умеет он у меня с конями-то.
- Он, гляжу, и с тобой управиться не умеет. Вишь, как ты язык распустила при госпоже своей. Обоих вас поучить надо, - говорит барыня и приказчику наказ дает: - Ты эту ко мне в горничные доставь. Завтра же с утра чтоб отправлена была. Вон она как щеки наела. Устиньюшка моя живо обобьет лишнее-то. А ты, молодец, что же жену свою не учишь? - спрашивает барыня у Марка.
Тот и без этого изорвался весь. То скраснеет, то побелеет. Стыдно ему перед народом, как его Колтовчиха оглядывала, за голое тело рукой хватала, а тут еще Татьяна сглупа насмех поставила. Так бы ровно весь свет расшиб. Он и хватил Татьяну-то по уху. Та так и покатилась. А бабешки, которые Татьяну подстраивали, сейчас заойкали:
- Ой, убил! Ой, убил! - Марко глядит, - и верно, лежит Татьяна белехонька, глаза закрыла и дыханья нет. А барыня на него же:
- Это еще что за нежности. Разбаловал бабенку. Ударить ее нельзя.
Тут Марко и не стерпел. Сгреб ее, барыню-то Колтовчиху, за волосья да как мякнет на землю. Только каблуки сбрякали. А он еще в рожу ей ногой-то. Ну, тут суматоха поднялась. Господишки на Марка бросились, стражник шашку вытащил.
А барыня, знай, визжит:
- Живьем берите! Живьем берите!
Господам, конечно, не под силу экого человека живьем захватить. За пожарниками кинулись, а другие опять в кабак побежали за народом. Выбежали пожарники, а народ им наперерез бежит, и Онисим впереди всех. Заздыхался весь, а сам заплотиной машет. Сажени, поди, три заплотина-то.
- Разражу, - кричит, - кто Маркушку пальцем заденет!
Ну, господишки видят, - дело худое, наутек надо. Только один возьми да и пальни в Онисима. И ведь что ты думаешь? Попал, собачье мясо! В самую жилку угодил. Онисим сразу носом в землю и не встал больше. Экой могутный человек был. Гора его не сжевала, а от пульки сразу кончился.
Народ видит - Онисима убили, пуще того остервенился. За баринком-то тем, который в Онисима стрелял, в сугонь пошли. А тот на лошадь да по Сысертской дороге. Барыня и другие господишки туда же упалили, а приказчик да начальство разбежались. Ну, пожарникам, конечно, бока намяли. Двух вовсе до смерти благословили, а которых изувечили.
Не любил их народ, пожарников-то. Они, вишь, первые прихвостни у начальства были и народ в пожарной пороли. Их за это и помяли.
Через день либо через два суд-расправа в заводе началась. Городское начальство наехало, солдат пригнали. В первую голову стали Марка Береговика искать. Барыня тоже прикатила. Уж как

только она ни старалась. И грозилась, и всяко людей улещала, чтоб показали, где Марка искать. Нет, ничего не вышло. Все в один голос говорят:
- Откуда нам знать? Убежал куда-то и Татьяну свою уволок.
Побились-побились так-то, ничего не узнали. С тем и уехали.
Ну, конечно, драли, кого доходя, а Марка с Татьяной в бега списали и по всем местам бумажку дали, - не поймают ли где, значит. А он, Марко-то, в нашей же даче и жил. Многие огневщики про это знали. Только против народа боялись. Сами же, слышь-ко, оповестят Марка:
- На тебя облава сбирается. Поберегись.
Марко с Татьяной перейдут куда-нибудь, а как облава кончится, опять на свое место воротятся. У них избушка в полугоре, у ключика, была срублена. Небольшая избушечка, вроде покосного балагашка.
Три зимы тут Марко выжил. Все ему охота было Колтовчиху где на дороге застукать. Только она тоже умная оказалась. После того случаю вовсе не стала никуда ездить. Когда в город случится, так с ней народу - как в поход какой. А в лес либо на пруду покататься, как раньше бывало, ни-ни.
Ока, видать, знала, что Марко ее подстерегал где-то недалеко. Корила всех:
- Неверные, дескать, вы слуги, беглых в лесах укрываете. Где у вас Марко Береговик? Кто его кормит?
Каждый, понятно, отговаривался, как умел, а многие знали.
Потом уж Марко с Татьяной ушли. У них, сказывали, ребеночек родился. Ну, где же с дитем в лесу жить. Хлопотно. Они и подались в Сибирь, на вольные земли.
Колтовчихе об этом сказывали, да она не поверила.
- Не заманите, - говорит, - меня в лес! - И тоже убралась куда-то с наших заводов.
Вот гора, где у Марка избушка стояла, и зовется - Марков камень.